

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-78-94

УДК 930.85

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПАМЯТНИКОВ: СЦЕНАРИИ РЕФРЕЙМИНГА

Пучков Павел Андреевич

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Москва, Россия
pa.puchkov@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сценарии мемориальной деактивации и рефрейминга памятников, которым отказано в праве исполнять коммеморативную функцию в той форме, которая была установлена их создателями. Выделены пять возможных сценариев: (1) уничтожение монументов как наиболее радикальная форма деактивации, свойственная революционным периодам; (2) релокация при сохранении в городской среде; (3) музеефикация как особая форма релокации, обеспечивающая больший контроль за интерпретациями; (4) депортация за пределы государства, часто на территорию, которая может рассматриваться как историческая родина памятника или того режима, с которым он ассоциируется; (5) различные варианты модификации (контекстуализация за счет добавления информационных материалов, манипуляции со скульптурной композицией и др.). В заключение статьи предпринята попытка выделить факторы, способствующие повышению жизнеспособности монументов в условиях радикальных социально-политических трансформаций.

Ключевые слова: памятники, коммеморация, исследования памяти, коллективная память, культура памяти.

Цитирование: Пучков П.А. Символическая программа памятников: сценарии рефрейминга // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 78–94.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-78-94 / Puchkov P.A. Symbolic Program of Monuments: Reframing Scenarios, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 78–94.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-78-94.

© Пучков П.А., 2024

SYMBOLIC PROGRAM OF MONUMENTS: REFRAMING SCENARIOS

Puchkov Pavel A.

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia
pa.puchkov@hse.ru

Abstract. The article discusses memorial deactivation scenarios and monument reframing that were denied the right to perform a commemorative function in the form established by their creators. Five possible scenarios are highlighted: (1) the destruction of monuments as the most radical form of deactivation peculiar to revolutionary periods; (2) relocation while maintaining in an urban environment; (3) museumification as a special form of relocation that provides greater control over interpretations; (4) deportation outside the state, often to the territory that can be considered as the historical homeland of the monument or the regime with which it is associated; (5) various modification options (contextualisation by adding information materials, manipulation of the sculptural composition, etc.). In conclusion, the article attempts to identify the factors contributing to increasing the viability of monuments in the context of radical socio-political transformations.

Keywords: monuments, commemoration, memory studies, collective memory, memory culture.

В текстах про памятники часто цитируют высказывание австрийского писателя Роберта Музиля: «На свете нет ничего, что было бы столь же незаметно, как памятники» [Музиль, 1999, с. 133]. Вероятно, мысль по большей части верная: как и любая привычная фигура городского ландшафта, памятники нередко утрачивают способность привлекать и удерживать внимание. Абсолютное большинство монументов не обладает ни выдающимся местоположением, ни примечательной наружностью, не служат центром значимых ритуалов, не привлекают туристов. Инаугурация памятника обычно быстро стирается из памяти, а сам монумент сливается с городским пейзажем.

Тем интереснее постинаугурационная судьба тех немногих памятников, которые вернулись в поле общественного зрения и потеряли привилегию оставаться незаметными. Они возвращаются, когда меняется общественный консенсус, а вслед за ним (или одновременно с ним) начинается ревизия символического пространства на предмет наличия в нем инородных тел. В такие моменты принципиальная публичность монументов может обернуться для них гибелью. Но так случается не всегда. Спектр возможностей шире двух взаимоисключающих сценариев (сохранение/уничтожение). В зависимости от обстоятельств памятник могут также лишить оригинального местоположения, сохранив за ним городскую «прописку»; перенести в музей или специальную резервацию; отправить на «историческую» родину; модифицировать или заменить на новый. Реализация одного из пяти сценариев многое рассказывает про характер и структуру того события, которое вернуло памятникам способность «производить впечатление» (по Музилю). Далее мы рассмотрим каждый сценарий, а также их возможные сочетания.

СЦЕНАРИИ РЕФРЕЙМИНГА ПАМЯТНИКОВ

(1) Уничтожение памятника — декларация о полной несовместимости монумента с новой системой ценностей. Масштабнее всего практикуется революционными властями, целенаправленно и публично деконструирующими «старый порядок» на всех уровнях: политическом, экономическом, символическом. Массовые сносы памятников имели место во время Французской революции 1789–1799 гг. и большевистской революции в России. Несовместимость старых памятников с новым порядком не всегда бывает полной. Даже радикальные революционеры порой идут на компромиссы: декрет Совета народных комиссаров «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 г. оговаривал, что уничтожению подлежат только монументы, не представляющие исторической и/или художественной ценности [Декреты советской власти, 1959, с. 95–96]. Но даже полное отсутствие признанной историко-художественной ценности может помочь памятнику спастись. Монумент Александру III на Знаменской площади в Петербурге работы Паоло Трубецкого пережил волну раннего советского иконоклазма. Широко распространенное (и разделяемое большевиками) представление о несуразности памятника сделало более выгодным его сохранение в модифицированном виде, нежели уничтожение [Лиманова, 2017, с. 154–159; Цепляев, 2011, с. 44–52].

Радикальная фаза революции редко затягивается надолго, а изменение символического пространства — задача довольно трудоемкая в условиях множественности проблем и дефицита ресурсов. Революционный порыв иссякает, новая власть стабилизируется, деструкция уступает место селективной апроприации «тяжелого наследия», которое впоследствии может позиционироваться и как «великое наследие»¹. Переход от уничтожения к другим формам работы с неугодными памятниками (см. об этом ниже) может служить хорошим индикатором революционной динамики, равно как предпочтение деструктивных форм всем прочим свидетельствует о характере и масштабах революционных преобразований.

Национально-освободительные революции заинтересованы в реформатировании символической топографии в той же степени, что и социальные, и судьба символов старого порядка столь же сильно зависит от множества обстоятельств. Варшавский памятник семи генералам, сохранившим верность российской присяге в 1830 г. и убитых повстанцами, едва ли имел шансы сохраниться в независимой Польше: его связь с прежним порядком и назидательный характер были слишком очевидными [Рольф, 2020, с. 92]. Памятник Марии Терезии в Братиславе, установленный в 1897 г., пережил распад Австро-Венгрии всего на три года и был ликвидирован в 1921 г. Чехословацкое руководство опасалось венгерского ирредентизма и решило избавиться от столь явного напоминания о том, что словацкие земли принадлежали короне Святого Стефана, на которую все еще претендовали Габсбурги (в том году Карл IV предпринял две попытки вернуть венгерский престол). Напротив, памятник Александру II в Хельсинки пережил и сецессию Финляндии в 1917 г., и все последующие кризисы, в том числе две советско-финские войны. Российский император ассоциировался не с колониальными порядками и внешним господством, а либеральными новациями в жизни автономного Великого княжества, а то и полноценной финляндской государственностью как таковой [Юссила, 2017, с. 267–281]. Дискуссии об уместности памятника «чужому» правителю в самом сердце столицы независимого государства периодически возникали, но серьезных угроз для монумента не представляли [Aittoma, 2017, s. 177–200].

Примечательны украинские события последнего десятилетия (2013–2023). Снос киевского памятника Ленину стал одним из самых ярких событий Евромайдана, победа которого увенчалась массовым «ленинопадом» (к концу 2014 г. было снесено 500 монументов советскому лидеру [Касьянов, 2020, с. 398]). Мемориальные законы 2015 г. предполагали полную ликвидацию публичного пространства от советских символов [Касьянов, 2016, с. 41; Korosov, 2018, p. 200–204]. После 24 февраля 2022 г. к «советским» монументам добавились памятники, напоминающие об имперском периоде.

Ликвидация памятников может быть частью стратегии по национальному присвоению новой территории. В результате Второй мировой войны Польша лишилась Галиции, но приобрела Силезию. Немецкий Бреслау пережил стремительную

¹ Севастопольский памятник П.С. Нахимову был демонтирован в 1928 г., но его копия вернулась на постамент в 1959 г. К этому времени фигура адмирала подверглась кардинальной переоценке: «слуга царю» стал «отцом» защитников города, в т.ч. советских [Лапин, 2022].

полонизацию, превратившись в польский Вроцлав. Все германские памятники были уничтожены или дегерманизированы [Thum, 2011, p. 276–282]. На центральной площади города, точно на том месте, где стоял переживший войну конный памятник Фридриху Вильгельму III, был установлен памятник писателю Александру Фредро, прибывший из деполонизируемого советской властью Львова [Дэвис, Мурхаус, 2013, с. 564].

(2) Лишение оригинального местоположения при сохранении в городской среде.

Местоположение памятника в городском пространстве обычно положительно коррелирует с местом исторического события-референта в национальной или локальной системе координат: чем более значимая роль в конституировании коллективной памяти приписывается событию, тем центральнее будет локация памятника, адресующего к нему. Символическая программа памятника обычно адаптирована под локацию: художественная стилистика не обязательно полностью подстраивается под окружающую среду, но имеет ее в виду. Взгляд Яна Гуса на пражском памятнике устремлен к католическому костелу, отобранному у гуситов после поражения в битве на Белой горе. Любая релокация разрушит эту многозначительную коммуникацию.

Преобразовательный потенциал релокации зависит от ее масштабов. Выразительный призывной жест Мины на памятнике работы И.П. Мартоса не утратил смысла при размещении монумента на Красной площади лицом к Кремлю, но потерял его при переносе памятника к храму Василия Блаженного. Минимальная релокация лишила былого конфронтационного символизма памятник бану Елачичу в Загребе: установленный накануне исторического австро-венгерского компромисса 1867 г., передавшего Хорватию-Славию под формальный контроль Будапешта, монумент военачальнику, сражавшемуся против венгерских повстанцев в 1848–1849 гг., разместили на площади таким образом, что его сабля грозила мадьярской столице. Коммунистические власти в 1947 г. от памятника избавились, а новые хорватские вернули в 1990 г., но развернули его так, что сабля теперь направлена в сторону Адриатики. В обоих случаях памятники сохранили прежнее местоположение в самом центре столиц, им отведена значимая роль в гражданских ритуалах, но изначальный символизм оказался утрачен.

Болонский памятник Виктору Эммануилу II пострадал значительно. Фашистские власти переместили монумент королю-объединителю с центральной площади (также носившей его имя) в городской парк Giardini Margherita в 1943 г. в ответ на отставку Муссолини с поста премьер-министра и капитуляцию Виктора Эммануила III перед Антигитлеровской коалицией. Перемещение в рекреационную зону превратило памятник в садово-парковую скульптуру, девальвируя общественно-политическую значимость до минимума.

Схожей девальвирующей релокации недавно подвергся будапештский монумент Имре Надю, изначально располагавшийся в непосредственной близости от здания парламента. Политическая биография Надя сложилась таким образом, что в нем можно разглядеть как одного из архитекторов послевоенного коммунистического

режима в Венгрии, так и борца за независимость страны от советской власти, заплатившего жизнью за поддержку восстания 1956 г. Сразу после демонтажа режима «народной демократии» востребованным оказался последний образ: в 1996 г. Надю установили памятник в символически значимом месте. Монуменг прекрасно передавал неоднозначность фигуры: статуя политика была установлена посредине постаментa в форме моста, взгляд устремлен в сторону здания парламента – символа венгерской самостоятельности. Однако коммунистическое прошлое персонажа плохо вписывалось в тренд на осуждение просоветского режима, набравшего силу в 2000-е гг. В 2018 г. памятник был демонтирован и перемещен к мосту Маргит, примерно на километр к северу от оригинальной локации. Монуменг лишился местоположения близ иконического здания и окружения других героев венгерской истории¹, а освободившееся место через год занял новый памятник – реплика монумента национальным мученикам, впервые установленного в 1934 г. в память о жертвах первой коммунистической диктатуры в Венгрии.

Новая локация памятника Имре Надю по-своему тоже символична: на противоположном берегу Дуная стоит памятник польскому генералу Юзефу Бему, участнику Венгерской революции 1848–1849 гг. Осенью 1956 г. рядом с памятником генералу собирались оппозиционно настроенные венгры в знак поддержки «Польского Октября» [Dent, 2009, p. 217–218]. Революционное движение, которое так неудачно попытался возглавить Имре Надю, началось именно там.

(3) Перемещение в музеи или специальные резервации. Музеефикация может быть весьма эффективным приемом символического «обезвреживания» памятников без их уничтожения. Музей не устраняет полностью значимость монумента, но задает ей новую модальность. Музеефикация выводит памятник из актуального символического репертуара², маркирует как фрагмент *прошлой* социальной реальности и обеспечивает определенную интерпретацию. Памятник лишается возможности функционировать в публичном пространстве как самостоятельный мнемонический агент, его коммуникация с аудиторией подконтрольна музею. В этом заключается главное отличие музеефикации от релокации: перемещение памятника в пространстве редактирует оригинальную символическую программу, но не опутывает его сетью интерпретаций, которую обеспечивает музей. Для

¹ В непосредственной близости от оригинальной локации стоят памятники Ференцу II Ракоци и Лайошу Кошуту: оба деятеля участвовали в восстаниях против власти Габсбургов в 1703–1711 гг. и 1848–1849 гг., соответственно, принадлежат к пантеону бескомпромиссных борцов за независимость Венгрии.

² А. Ассман разделяет культурную память на функциональную (functional) и накопительную (storage): первая непосредственно участвует в легитимации существующего порядка, вторая образует резервуар недействующих в функциональной памяти объектов [Assmann, 2011, p. 130–132]. Музей как институт работает с накопительной памятью. Если принять данную классификацию, то можно утверждать, что музеефицированный монумент теряет мнемоническую функциональность и переводится в «спящий режим». Однако в случае музеефикации важно, как именно она осуществляется: перемещенный в запасники музея памятник действительно перестает участвовать в воспроизводстве мемориального порядка; памятник, которому нашлось место в экспозиции, продолжает функционировать в качестве мнемонического агента.

акцентирования различий этих двух сценариев полезно обратиться к ключевому аргументу акторно-сетевой теории, согласно которому «объект... остается объектом до тех пор, пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах» [Ло, 2006, с. 32]. Релокация и музеефикация разрушают исходную сеть взаимоотношений, но релокация позволяет ее частично воспроизвести на новом месте (например, связанные с объектом ритуалы), в то время как музеефикация задает для объекта довольно жесткую программу событий.

В июле 2020 г. городской совет Ситки (Аляска, США) принял решение переместить в музей памятник основателю поселения Александру Баранову. В резолюции совет подробно разъясняет причины решения, подчеркивая как выдающуюся роль Баранова в истории города, так и несовместимость некоторых его практик с современными ценностными установкам; по мнению законодателей, сохранение памятника на прежнем месте в центре города способствует нормализации этих практик, а перемещение в музей позволит поместить их в должный исторический контекст [Resolution...]. В 2017 г. памятник президенту Конфедерации Джефферсону Дэвису был перемещен с аллеи перед Техасским университетом в Остине в Центр Американской истории им. Дольфа Бриско. В экспозиции университетского исследовательского центра монумент был контекстуализирован: рядом с ним поместили информационную табличку, объясняющую обстоятельства и причины перемещения памятника [Simko et al., 2022, p. 603–604].

Важным является также место музеефикации. Пражский памятник маршалу Йозефу Радецкому стоял на Малостранской площади 63 года — с ноября 1858 по май 1921 г. Он был поставлен сразу после смерти военачальника и нес чрезвычайно важный для многонациональной державы Габсбургов посыл: продемонстрировал возможности, которые империя открывает для лояльных подданных чешского происхождения. После провозглашения независимой Чехословакии памятник стал неуместен, но демонстративно сносить его не решились. Монумент аккуратно демонтировали и отправили в Лапидариум Национального музея. В отличие от главного здания на Вацлавской площади, этот филиал в Голешовице посещают нечасто. Там же хранятся фрагменты Марианской колонны, снесенной в ноябре 1918 г. В отличие от памятника Радецкому, колонна не просто ассоциировалась с Габсбургами, но и конкурировала на Староместской площади с памятником Яну Гусу. Мятая толпа монумент не пощадила. Вопрос о восстановлении колонны поднимался многократно при всех политических режимах [Paces, 2001], но добиться успеха защитникам монумента удалось лишь недавно: реплика колонны вернулась на прежнее место в 2020 г.

Специальные резервации — новое явление, преимущественно постсоветское¹. Промышленные объемы социалистического монументального производства за несколько десятилетий населили публичные пространства восточноевропейских

¹ Жители африканерского поселения Орания (Северо-Капская провинция, ЮАР) также создали нечто похожее на парк-резервацию: на Холме монументов (Monument Hill) стоят памятники и бюсты деятелям, так или иначе связанным с бурским национализмом и режимом апартеида (см. например: [Doherty, 2021]).

городов тысячами памятников революционерам, государственным и культурным деятелям, персонификациям «прогрессивных» социальных сил. Их уничтожение не везде и не всегда встречало безусловную общественную поддержку. В том числе потому, что дидактический потенциал разрушения не казался однозначно превосходящим дидактический потенциал всех прочих форм работы с подобным наследием.

Резервации для советских монументов появились в России, Венгрии, Литве и Болгарии. Список стран примечателен тем, что они представляют все четыре типа «культуры памяти» о коммунистическом прошлом по классификации С. Требста, предложенной в 2000-х гг. [Требст, 2011, с. 148–150]. Резервации формировались в разное время, две самые ранние (московская и будапештская) появились почти сразу после коллапса старого порядка.

Парк советской скульптуры «Музеон» образовался в январе 1992 г. и, вероятно, первоначально имел ностальгический характер [Бойм, 2019, с. 181–194], но после реконструкции 2013–2015 гг. от ностальгии мало что осталось. Экспозиция не задает однозначно позитивной или негативной оптики восприятия объектов, статуи вождям соседствуют с работами, посвященными репрессиям советского периода. Самый известный экспонат парка-резервации – памятник Ф. Дзержинскому работы Е.В. Вучетича (1958). Среди всех прочих скульптур он выделяется наличием оригинального постамента (другие вожди лишены пьедестала, что символично) и отредактированной биографией: информационный стенд рядом с памятником сообщает, что он был демонтирован решением Московского городского Совета народных депутатов от 24 октября 1991 г., т.е. два месяца спустя после того, как состоялся реальный демонтаж, несколько более стихийный. Памятник Дзержинскому находится в «Музеоне» немногим меньше, чем на Лубянской площади, но дискуссии о перспективах возвращения монумента на историческое место возобновляются раз в несколько лет и напоминают про серьезный недостаток музеефикации как способа символической нейтрализации памятника: музеи того или иного рода *сохраняют* монумент и обеспечивают ему специфическую легитимность самим этим фактом. В случае «железного Феликса» ситуация усугубляется тем, что оригинальное местоположение остается вакантным (на это обстоятельство обращал внимание А.Л. Зорин [Зорин, 2003, с. 192]). Российский тип «культуры памяти» относится к самому компромиссному из четырех, выделенных С. Требстом [Требст, 2011, с. 158–159], так что восстановление монумента на прежнем месте не представляется невероятным. Копию памятника недавно установили напротив штаб-квартиры Службы внешней разведки РФ [В штаб-квартире СВР...], но это закрытая территория. Недавняя реконструкция Лубянской площади несколько нивелирует проблему ее пустоты, но место для памятника там и сейчас сохраняется.

Восточноевропейские резервации заметно отличаются от московской. Они не располагают центральным местоположением, не соседствуют с городскими достопримечательностями и популярными рекреационными зонами: венгерский парк «Мементо» находится за городской чертой Будапешта, литовский парк

«Грутас» – на самом юге страны, примерно в 120 км от столицы. Чуть лучше положение Музея социалистического искусства в Софии, но район Изгрев к историческому центру столицы тоже не относится.

«Мементо» и «Грутас» довольно четко фреймируют свои экспозиции как не-ностальгические, но разница в исполнении отражает разную степень консенсуса по поводу социалистического прошлого: венгерский парк оставляет больше пространства для разнонаправленной рефлексии [Kovacs, 2003, p. 159–163]; литовский, напротив, активно задействует в экспозиции лагерный антураж, формируя негативные переживания по поводу демонстрируемых объектов [Lankauskas, 2006; Isaac, Budryte-Ausiejene, 2015]. Софийский музей, открывшийся позже всех (2011), заметно отличается как от «Музеона», так и от «Мементо» и «Грутаса». Во-первых, комплексностью экспозиции: здесь нашлось место соцреалистическому искусству разных форм, не только монументальной скульптуре. Во-вторых, подчеркнутой нейтральностью: создатели музея воздержались от комментирования экспозиции [Petkova-Campbell, 2013].

(4) Депортация. В отличие от других вариантов перемещения памятников в пространстве (релокации и музеефикации), депортация обычно означает, что положение памятника меняется в лучшую сторону по сравнению с текущим или прогнозируемым положением. Оригинальная символическая программа монумента пересматривается, ей на смену приходит новая, не ограничивающая его мнемонический потенциал.

После завершения советско-польской войны 1919–1921 гг. Москва и Варшава договорились об обмене культурными ценностями [Dabrowski, 1960, p. 27–28], что позволило Польше вернуть памятник Юзефу Понятовскому. Созданный выдающимся датским скульптором Б. Торвальдсеном монумент должен был быть установлен в Варшаве в 1830 г., однако случилось Ноябрьское восстание, а вслед за ним – низложение Николая I и сецессия. К осени 1831 г. Петербург восстановил контроль над мятежной территорией, но прежней толерантности уже не проявлял: установка памятника наполеоновскому маршалу, первым вступившего со своими войсками в Москву в 1812 г., была признана неуместной. Император подарил монумент усмирителю восстания графу И.Ф. Паскевичу, который вывез его в свое имение под Гомелем. В 1922 г., почти через сто лет после создания, памятник был возвращен в Варшаву, однако во время Второй мировой его уничтожили нацистские власти.

Памятник советскому генералу И.Д. Черняховскому в Вильнюсе был демонтирован в начале 1990-х гг. и вывезен в Россию (в 1993 г. установлен в Воронеже) [Махотина, 2020, с. 202]. Вероятно, российскую сторону больше бы устроило его сохранение в литовской столице, но там его ожидало в лучшем случае забвение. Снесенный в апреле 2020 г. пражский памятник маршалу И.С. Коневу также мог быть «депортирован» в Россию, но российские власти сделали запрос в министерство обороны Чехии, которое не располагало правами на памятник [Минобороны Чехии...].

(5) Модификация. Приведение памятника в соответствие актуальными идеологическими установками может осуществляться разными способами: от корректировки надписи до полной замены скульптурной композиции на новую. Монумент Богдану Хмельницкому в Киеве, установленный в 1888 г., устраивал советскую власть почти всем¹, кроме надписей на постаменте. Монархические удалили, заменив на политически нейтральные. Иногда корректировку приходится осуществлять не по собственной воле: Преспское соглашение 2018 г. между Грецией и Македонией обязывало последнюю оставить претензии на эллинское наследие [Final Agreement...]. После подписания договора городские власти Скопье решились атрибутировать памятник безымянному «всаднику» в центре города, указав, что Александр Великий «принадлежит древнегреческой истории и цивилизации» [North Macedonia...] (почти дословная цитата п. 2 ст. 8 Преспского договора).

Будапештская Статуя Свободы на горе Геллерт, первоначально посвященная советской армии, потребовала более существенных корректировок: с пьедестала удалили фигуру красноармейца-знаменосца (советского воина переместили в парк «Мементо»). Намного более радикальной модификации подвергся памятник парагвайскому диктатору Альфредо Стресснеру: статую разрезали и придавили бетонными блоками, стянув железными прутьями [Краев, 2023]. Новый монумент установлен на площади Исчезнувших, в непосредственной близости от дворца Лопес в Асунсьоне — президентской резиденции, которую Стресснер занимал 35 лет (1954–1989).

В последние годы предпринято множество попыток модифицировать памятник венскому бургомистру Карлу Люгеру, установленный на Ринге в 1926 г. За тринадцать лет в должности Люгер сделал для города много полезного, но был откровенным антисемитом. В 2016 г. рядом с памятником установили информационную табличку, повествующую в том числе о темных сторонах личности градоначальника. В 2022 г. на площади Люгера была организована многомесячная художественная инсталляция *Lueger temporär*, призванная контекстуализировать спорный памятник. В 2023 г. было принято решение реализовать проект Клеменса Вилидаля, предложившего наклонить монумент на 3,5 градуса вправо: «Небольшой наклон исподволь сбивает с толку, даже может вызывать легкое головокружение. Такое легкое головокружение сигнализирует, что с памятником или самим Карлом Люгером что-то неладно, а отсюда возникают вопросы, которые заставляют призадуматься» [Ассман, 2019, с. 73].

Наиболее экстремальный вариант модификации памятника — замена оригинальной скульптуры. В 1927 г. в Будапеште был установлен мемориал Лайошу Кошуту. Революционный лидер предстал в окружении других видных деятелей движения 1848–1849 гг.: графов Лайоша Баттьяни и Иштвана Сеченьи, князя Пала III Антала

¹ В первые два десятилетия существования советской власти гетман позиционировался как враг крестьянства и проводник политики «великоросского шовинизма». Однако к концу 1930-х гг. критический взгляд был пересмотрен и Хмельницкий превратился в героя, который способствовал исторически прогрессивному «воссоединению Украины с Россией» [Stories of Khmelnytsky, 2015, p. 171–172].

Эстерхази, Ференца Деака и др. (всего композиция насчитывала девять фигур). Социалистические власти устраивало значение исторической личности Кошута, но не его аристократическое окружение. К тому же сам монумент производил гнетущее впечатление. Мемориал заменили на новый, соответствующий канонам социалистической репрезентации революционных вождей: предводитель масс указывал соратникам путь в светлое будущее (для созерцателей памятника уже наступившее) [Dent, 2009, p. 53]. Но замена оказалась не последней. В 2011 г. парламент одобрил масштабную программу реконструкции площади Кошута, которая должна была восстановить ее довоенный облик [The Reconstruction...]. Конным памятникам Ференцу II Ракоци и Дьюле Андраши вернули городскую прописку, восстановили монумент Иштвану Тисе. И заодно обновили мемориал Кошуту: социалистический монумент 1952 г. заменили копией изначального памятника.

Модификации могут подвергаться и остатки уничтоженного монумента. Осенью 1956 г. восставшие венгры низвергли с постамента восьмиметровую статую Сталина, но уничтожить гигантский цоколь им было не под силу. После подавления мятежа социалистическое руководство превратило строение в трибуну, с которой принимало военные парады и встречало первомайские демонстрации. Трибуна была демонтирована после революции 1989 г., а к 50-й годовщине событий 1956 г. на месте памятника появился мемориал «Венгерской революции и войне за независимость».

Похожая история произошла с пражским памятником «вождю народов». Он был задуман как самый большой памятник Сталину в мире [Pichova, 2014]. Монумент был открыт в 1955 г., за несколько месяцев до XX съезда КПСС, развенчавшего «культ личности» диктатора. Была уничтожена колоссальная многофигурная композиция, но цоколь сохранили. В 1991 г. на площадке памятника установили 25-метровый метроном, созданный скульптором Вратиславом Новаком.

В Костроме изготовленный для памятника в честь 300-летия дома Романовых постамент использовали для статуи Ленина. В данном случае модификации подвергся незавершенный памятник.

Неполная ликвидация монумента также может рассматриваться как своеобразная модификация: лишенная статуи конструкция, сохраненная в публичном пространстве, продолжает функционировать как мнемонический агент. По данным некоммерческой организации Southern Poverty Law Center (SPLC), на 29 октября 2023 г. в США было устранено (removed) 168 монументов, посвященных Конфедерации, но в 32 случаях сохранились постаменты памятников [SPLC Database]. Очевидно, что они не в состоянии выполнять мемориальную функцию так же, как сохранившиеся 717, но в то же время ясно, что они не дезактивированы полностью и все еще могут привлекать внимание, стимулировать воображение, являться центрами гражданских ритуалов, политических манифестаций и т.д.

Постинаугурационная судьба монументов в условиях социально-политических трансформаций, будь то революционные преобразования или постепенная смена

социальных конвенций, зависит от множества факторов. Выделим 5 наиболее существенных: (1) локация; (2) категоричность символического послания монумента; (3) диверсифицированность символического капитала; (4) характер дискуссии по поводу совместимости старых и новых социально-политических установок; (5) гибкость новых социальных конвенций. Сочетание центрального местоположения и высокая степень категоричности символического послания (часто обусловленная жесткой связью с демонтируемым режимом) губительны для памятников в условиях радикальной революционной фазы, которой свойственен кардинальный пересмотр сложившихся конвенций. Риски снижаются в том случае, если памятник успел превратиться в значимый историко-культурный символ и/или важный элемент городского пространства, а его символическое послание может быть присвоено новым режимом (иногда в несколько модифицированном виде). Лишь постфактум можно определить, какая совокупность факторов способствовала реализации того или иного сценария. Но можно примерно оценить риски и перспективы того или иного сценария. Сложнее с определением временных перспектив. Летом 2020 г., в самый разгар европейского движения BLM, могло показаться, что судьба памятника Леопольду II в Брюсселе решена: петиция, требующая его устранения, собрала несколько десятков тысяч подписей за несколько дней (в итоге их набралось 83 тысячи), но памятник до сих пор стоит на прежнем месте, а дебаты о его судьбе продолжают [Exorcising...]. Монумент бандейрантам в Сан-Паулу не раз оказывался в эпицентре общественных дискуссий и подвергался атакам, но выстоял [Morethy Couto, 2019]. Итальянский форум в Риме до сих пор не избавился от обелиска Муссолини – монументальной конструкции, в основании которой хранится фашистский кодекс, созданный в 1932 г. с целью увековечения *Decennale* – первого десятилетия диктатуры [Lamers, Reitz-Joosse, 2016]. Вышеперечисленные примеры показывают, что общей «формулы устойчивости» монументов вывести невозможно, еще сложнее спрогнозировать перспективы реализации одного из возможных сценариев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.

В штаб-квартире СВР открыли памятник Дзержинскому. URL: <https://ria.ru/20230911/ratuyatnik-1895498749.html> (дата обращения – 23 октября 2023 г.).

Декреты советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. 698 с.

Дэвис Н., Мурхаус Р. Микрокосм: История центральноевропейского Города. М.: Летний сад, 2013. 720 с.

Зорин А.Л. Где сидит фазан... Очерки последних лет. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 224 с.

Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // *Историческая экспертиза*. 2016. № 2. С. 27–55.

Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 632 с.

Краев О.Л. Декоммеморация как фактор формирования коллективной памяти в Южной Америке // *Социодинамика*. 2023. № 2. С. 1–9.

Лапин В.В. Два адмирала. Ф.Ф. Ушаков и П.С. Нахимов в исторической памяти. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 272 с.

Ло Д. Объекты и пространства // *Социологическое обозрение*. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.

Лиманова С.А. Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. М.: Кучково поле, 2017. 360 с.

Махотина Е.И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 256 с.

Минобороны Чехии отказалось передать России памятник маршалу Коневу. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8514021> (дата обращения — 23 октября 2023 г.).

Музиль Р. Малая проза. Избранные произведения в двух томах. Роман. Повести. Драммы. Эссе. Т. 2. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. 464 с.

Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

Требст С. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // *Империя и нация в зеркале исторической политики*. М.: Новое издательство, 2011. С. 142–180.

Цепляев А.А. Конная скульптура Санкт-Петербурга. Гиппопластика. СПб.: Росток, 2011. 383 с.

Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки: ruslandia Books Oy, 2017. 844 с.

Aittomaa S. Monumenten över Alexander II i Helsingfors och Peter den store i Viborg // *Historisk Tidskrift för Finland*. 2017. № 2. Pp. 177–233.

Assmann A. Cultural Memory and Western Civilization. New York: Cambridge University Press, 2011. 410 p.

Dabrowski S. The Peace Treaty of Riga // *The Polish Review*. 1960. Vol. 5. № 1. Pp. 3–34.

Dent B. Every Statue Tells a Story. Public monuments in Budapest. Budapest: Europa Konyvkiado, 2009. 340 p.

Doherty C. Moving Monuments. Settler Nationalism and the Peregrinations of the Transvaal Irish Brigade Monument // *Interventions. International Journal of Postcolonial Studies*. 2021. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 144–169.

Exorcising King Leopold's ghost: Brussels takes on its colonial monuments. URL: <https://www.politico.eu/article/decolonizing-cities-king-leopold-ii-black-lives-matter-belgium-colonial-history/> (дата обращения — 23 октября 2023 г.).

Final Agreement for the settlement of the differences as described in the United Nations Security Council Resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Accord of 1995, and the establishment of a Strategic Partnership between the Parties. URL: <https://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-aggliko-keimeno.pdf#Question> (дата обращения – 22 октября 2023 г.).

Isaac R., Budryte-Ausiejene L. Interpreting the Emotions of Visitors: A Study of Visitor Comment Books at the Grūtas Park Museum, Lithuania // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2015. № 4. Pp. 400–424.

Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 321 p.

Kovacs E. The Cynical and the Ironical – Remembering Communism in Hungary // *Regio – Minorities, Politics, Society*. 2003. Vol. VI. № 1. Pp. 155–168.

Lamers H., Reitz-Joosse B. The Codex Fori Mussolini. A Latin Text of Italian Fascism. London, New York: Bloomsbury Academic, 2016. 142 p.

Lankauskas G. Sensuous (Re)Collections: The Sight and Taste of Socialism at Grūtas Statue Park, Lithuania // *The Senses and Society*. 2006. № 1. Pp. 27–52.

Morethy Couto M. Exploring Brazil with the Bandeirantes: Reactions to a Public Artwork in the City of São Paulo // *de arte*. Vol. 54. 2019. № 2. Pp. 65–82.

North Macedonia Places Sign on Alexander the Great Statue Admitting He Was Greek. URL: <https://greekreporter.com/2019/08/16/north-macedonia-puts-sign-on-skopjes-alexander-the-great-statue-admitting-he-was-greek/> (дата обращения – 22 октября 2023 г.).

Paces C. The Fall and Rise of Prague's Marian Column // *Radical History Review*. 2001. № 79. Pp. 141–155.

Petkova-Campbell G. Before and After – Reflections on the History of Museums and Communism in Bulgaria // *Museum History Journal*. 2013. № 2. Pp. 222–236.

Pichova H. The Case of the Missing Statue. A Historical and Literary Study of the Stalin Monument in Prague. Řevnice: Arbor Vitae, 2014. 160 p.

Resolution of the city and borough of Sitka concerning the relocation of the Alexander Baranov Statue to the Sitka Historical Society Museum. URL: <https://sitka.legistar.com/View.ashx?M=F&ID=8662341&GUID=A8AF9D65-C23D-4CE7-9260-B459F4F60A09> (дата обращения – 14 октября 2023 г.).

SPLC Database. URL:

https://docs.google.com/spreadsheets/d/1W4H2qa2THM1ni53QYZftGob_k_Bf9HreFAt-CERfjCIU/edit?pli=1#gid=1205021846 (дата обращения – 29 октября 2023 г.).

Stories of Khmelnytsky. Competing Literary Legacies of the 1648 Ukrainian Cossack Uprising. Ed. by A. Glaser. Stanford: Stanford University Press, 2015. 294 p.

Simko K., Cunningham D., Fox N. Contesting Commemorative Landscapes: Confederate Monuments and Trajectories of Change // *Social Problems*. 2022. Vol. 69. № 3. Pp. 591–611.

The reconstruction of Kossuth Square – the Steindl Imre Programme (SIP). URL: <https://www.parlament.hu/web/visitors/kossuth-square> (дата обращения – 22 октября 2023 г.).

Thum G. *Uprooted. How Breslau Became Wrocław During the Century of Expulsions*. Wrocław: Via Nova, 2011. 508 p.

REFERENCES

Assman A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Forgetting history – obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 p. (in Russian).

Boym S. *Budushchee nostalgii* [The future of nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 680 p.

V shtab-kvartire SVR otkryli pamyatnik Dzerzhinskomu [A monument to Dzerzhinsky was unveiled at the SVR headquarters]. Available at: <https://ria.ru/20230911/pamyatnik-1895498749.html> (accessed 23 October 2023).

Davies N., Moorhouse R. *Mikrokosm: Istoriya tsentral'noevropeiskogo Goroda* [Microcosm: portrait of a central european City]. Moscow: Letnii sad, 2013. 720 p. (in Russian).

Dekrety sovetskoi vlasti. T. II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. [Soviet decrees. Vol. II. March 15 – July 17, 1918]. Moscow: Politizdat, 1959. 698 p. (in Russian).

Zorin A.L. *Gde sidit fazan... Ocherki poslednikh let* [Where the pheasant sits... Essays from recent years]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 224 p. (in Russian).

Kasyanov G.V. *Istoricheskaya politika i «memorial'nye» zakony v Ukraine: nachalo XXI v.* [Historical policy and the “memorial” laws in Ukraine: the beginning of the 21st century], in *Istoricheskaya ekspertiza*. 2016. No. 2. Pp. 27–55 (in Russian).

Kasyanov G.V. *Ukraina i sosedi: istoricheskaya politika. 1987–2018* [Ukraine and its Neighbors: historical politics. 1987–2018]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 632 p. (in Russian).

Kraev O.L. *Dekommemoratsiya kak faktor formirovaniya kollektivnoi pamyati v Yuzhnoi Amerike* [Decommemoration as a factor in the formation of collective memory in South America], in *Sotsiodinamika*. 2023. No. 2. Pp. 1–9 (in Russian).

Lapin V.V. *Dva admiral. F.F. Ushakov i P.S. Nakhimov v istoricheskoi pamyati* [Two admirals. F.F. Ushakov and P.S. Nakhimov in historical memory]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2022. 272 p. (in Russian).

Law J. *Ob"ekty i prostranstva* [Objects and Spaces], in *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2006. Vol. 5. No. 1. Pp. 30–42 (in Russian).

Limanova S.A. *Stolichnye torzhestva Rossiiskoi imperii v tsarstvovanie Nikolaya II* [Capital celebrations of the Russian Empire during the reign of Nicholas II]. Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 360 p. (in Russian).

Makhotina E.I. *Prelomleniya pamyati: Vtoraya mirovaya voina v memorial'noi kul'ture sovetskoi i postsovetskoi Litvy* [Refractions of memory: The Second World War in the

memorial culture of Soviet and Post-Soviet Lithuania]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2020. 256 p. (in Russian).

Minoborony Chekhii otkazalos' peredat' Rossii pamyatnik marshalu Konevu [The Czech Ministry of Defense refused to hand over the monument to Marshal Konev to Russia]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8514021> (accessed 23 October 2023).

Musil R. *Malaya proza. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. Roman. Povesti. Dramy. Esse* [Flash Fiction. Selected Works in Two Volumes. Novel. Stories. Dramas. Essays]. Vol. 2. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, 1999. 464 p. (in Russian).

Rolf M. *Pol'skie zemli pod vlast'yu Peterburga. Ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi* [Polish Lands Under the Rule of St. Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 576 p. (in Russian).

Troebst S. «Kakoi takoi kover?» Kul'tura pamyati v postkommunisticheskikh obshchestvakh Vostochnoi Evropy: popytka obshchego opisaniya i kategorizatsii ["What Sort of a Carpet?" The Culture of Memory in Post-Communist Societies of Eastern Europe: An Attempt at General Description and Categorization], in *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi politiki*. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. Pp. 142–180 (in Russian).

Tseplyaev A.A. *Konnaya skul'ptura Sankt-Peterburga. Gippoplastika* [Equestrian sculpture of St. Petersburg. Hippoplastics]. St. Petersburg: Rostok, 2011. 383 p. (in Russian).

Yussila O. *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe 1809–1917* [Grand Duchy of Finland 1809–1917]. Khel'sinki: Ruslania Books Oy, 2017. 844 p. (in Russian).

Aittomaa S. Monumenten över Alexander II i Helsingfors och Peter den store i Viborg, in *Historisk Tidskrift för Finland*. 2017. No. 2. Ss. 177–233.

Assmann A. *Cultural Memory and Western Civilization*. New York: Cambridge University Press, 2011. 410 p.

Dabrowski S. The Peace Treaty of Riga, in *The Polish Review*. 1960. Vol. 5. No. 1. Pp. 3–34.

Dent B. *Every Statue Tells a Story. Public Monuments in Budapest*. Budapest: Europa Konykiado, 2009. 340 p.

Doherty C. Moving Monuments. Settler Nationalism and the Peregrinations of the Transvaal Irish Brigade Monument, in *Interventions. International Journal of Postcolonial Studies*. 2021. Vol. 23. Issue 1. Pp. 144–169.

Exorcising King Leopold's ghost: Brussels takes on its colonial monuments. Available at: <https://www.politico.eu/article/decolonizing-cities-king-leopold-ii-black-lives-matter-belgium-colonial-history/> (accessed 23 October 2023).

Final Agreement for the settlement of the differences as described in the United Nations Security Council Resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Accord of 1995, and the establishment of a Strategic Partnership between the Parties. Available at: <https://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-aggliko-keimeno.pdf#Question> (accessed 22 October 2023).

- Isaac R., Budryte-Ausiejene L. Interpreting the Emotions of Visitors: A Study of Visitor Comment Books at the Grūtas Park Museum, Lithuania, in *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2015. No. 4. Pp. 400–424.
- Koposov N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 321 p.
- Kovacs E. The Cynical and the Ironical – Remembering Communism in Hungary, in *Regio – Minorities, Politics, Society*. 2003. Vol. VI. No. 1. Pp. 155–168.
- Lamers H., Reitz-Joose B. *The Codex Fori Mussolini. A Latin Text of Italian Fascism*. London, New York: Bloomsbury Academic, 2016. 142 p.
- Lankauskas G. Sensuous (Re)Collections: The Sight and Taste of Socialism at Grūtas Statue Park, Lithuania, in *The Senses and Society*. 2006. No. 1. Pp. 27–52.
- Morethy Couto M. Exploring Brazil with the Bandeirantes: Reactions to a Public Artwork in the City of São Paulo, in *de arte*. 2019. № 2. Vol. 54. P. 65–82.
- North Macedonia Places Sign on Alexander the Great Statue Admitting He Was Greek*. Available at: <https://greekreporter.com/2019/08/16/north-macedonia-puts-sign-on-skopjes-alexander-the-great-statue-admitting-he-was-greek/> (accessed 23 October 2023).
- Paces C. The Fall and Rise of Prague's Marian Column, in *Radical History Review*. 2001. No. 79. Pp. 141–155.
- Petkova-Campbell G. Before and After – Reflections on the History of Museums and Communism in Bulgaria, in *Museum History Journal*. 2013. No. 2. Pp. 222–236.
- Pichova H. *The Case of the Missing Statue. A Historical and Literary Study of the Stalin Monument in Prague*. Řevnice: Arbor Vitae, 2014. 160 p.
- Resolution of the city and borough of Sitka concerning the relocation of the Alexander Baranov Statue to the Sitka Historical Society Museum*. Available at: <https://sitka.legistar.com/View.ashx?M=F&ID=8662341&GUID=A8AF9D65-C23D-4CE7-9260-B459F4F60A09> (accessed 14 October 2023).
- SPLC Database. Available at: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1W4H2qa2THM1ni53QYZftGob_k_Bf9HreFAt-CERfjCIU/edit?pli=1#gid=1205021846 (accessed 29 October 2023).
- Stories of Khmelnytsky. Competing Literary Legacies of the 1648 Ukrainian Cossack Uprising*. Ed. by A. Glaser. Stanford: Stanford University Press, 2015. 294 p.
- Simko K., Cunningham D., Fox N. Contesting Commemorative Landscapes: Confederate Monuments and Trajectories of Change, in *Social Problems*. 2022. Vol. 69. No. 3. Pp. 591–611.
- The reconstruction of Kossuth Square – the Steindl Imre Programme (SIP)*. Available at: <https://www.parlament.hu/web/visitors/kossuth-square> (accessed 14 October 2023).
- Thum G. *Uprooted. How Breslau Became Wrocław During the Century of Expulsions*. Wrocław: Via Nova, 2011. 508 p.

Статья принята к публикации 22.07.2024